

под предводительством Емельяна Пугачева при издании романа для иноязычного читателя. Знание никогда, конечно, не бывает лишним, и все же художественный текст по природе своей в принципе самодостаточен. Там, где историк, строя умозаключение относительно того или иного поворота сложных событий, обязан всесторонне проанализировать все доступные ему документальные источники, художник воссоздает картину, убеждающую читателей силой художественных образов. Естественно, он не может обойтись при этом без прояснения исторических имен и реалий, но они требуют только кратких пояснений, и в этом отношении принципиальной разницы между восприятием отечественного и зарубежного читателя в общем-то и нет.

Остросоциальная тематика “Капитанской дочки” особенно близка вьетнамскому читателю. На протяжении всей истории вьетнамский народ вел (всегда в конечном счете успешную) борьбу против могущественных северных соседей, а в новое время – против французских колонизаторов и американских агрессоров. Одновременно Вьетнам потрясли мощные крестьянские войны, самой крупной из которых было восстание Тэйшонов 1771–1802 гг. (то есть отчасти одновременно с пугачевщиной в России), которое сначала протекало под лозунгом возвращения династии Ли и постоянно сочеталось с борьбой за национальную независимость. Поэтому на стороне восставших оказались наряду с вьетнамским крестьянством и выходцы из других социальных слоев, а также малые народы Вьетнама.

Вот почему многообразная и сложная социальная картина, представленная в романе Пушкина, была сущностно понятна вьетнамскому читателю. Что же касается ее яркого национального своеобразия, то при удачном переводе оно не могло служить преградой для восприятия, а наоборот, должно было способствовать возбуждению дополнительного интереса, так как человеческое любопытство (инстинкт познания) и питается ярко-необычным.

Возможно, при последующих изданиях “Капитанской дочки” на вьетнамском языке следует предпослать ей предисловие, поясняющее некоторые чисто русские элементы русской истории XVIII в. и Пугачевского восстания, в частности. В настоящее время это призваны объяснить специальные подстрочные примечания переводчика, числом более 50, большая часть которых содержит исторические пояснения.

Нам кажется, однако, что некоторые из этих реалий требуют более подробных разъяснений – к примеру, слово (понятие) “казак”. Известно, что Пушкин знал историю казачества на Руси, что отразилось в его “Истории Пугачева” (и особенно в примечаниях автора к ней), в его замет-

ках об истории земли Камчатской, в его интересе к трудам декабриста В.Д. Сухорукова.

Действительно, сама история крестьянской войны под предводительством Пугачева (и многих других крестьянских восстаний в России) не вполне понятна без представления об особом социальном статусе (некоторые историки прошлого века считали его особой народностью) казачестве, само возникновение и своеобразный социальный статус которого были связаны с огромными просторами России. Ее было невозможно сохранять и расширять только силами централизованного государства. Окраины России на юге и на востоке охраняли казаки, которые происходили от вольнолюбивых людей, переселившихся (и часто попросту сбежавших) подальше от властей, готовых к разбойным набегам в дальние страны, но служивших и непроходимой преградой на пути иноплеменных нашествий. Выгоды такого нерегулярного (“естественного”) войска оценили еще первые московские государи и вынуждены были дать казакам особые права и большие земельные наделы. Но это была нерегулярная вольница с выборными начальниками, готовая всегда взбунтоваться при малейшем усилении государственного диктата. Генетически связанное с наиболее активным слоем крестьянского сословия, живущее – вне воинских походов – обычным крестьянским трудом, свободолюбивое казачество всегда было бродилом крестьянских выступлений и, обладая изощренными воинскими навыками, придавало им организованные формы.

Другим, но столь же своеобразно русским социальным слоем крестьянства были дворовые. В отличие от тягловых крестьян, обрабатывающих землю и развивавших промыслы, дворовые были тесно связаны с жизнью помещичьей усадьбы. Рознь между тягловыми и дворовыми крепостными (несмотря на их кровное родство) была не меньшей, чем между последними и господами. Трудившиеся на земле не без оснований считали дворовых незаконными нахлебниками. Но в среде дворовых вызревала по сути дела народная интеллигенция: художники, артисты, мудрые воспитатели. Как ни необычно это понятие применительно к Савельичу (или скажем, к няне Пушкина, Арине Родионовне), напомним, однако, что он не просто грамотен (в романе приведено его письмо к старому барину), но выучил русскому языку Петрушу Гринева – очевидно, неплохо выучил, если тот сочиняет стихи, о которых с похвалой отзывается А.П. Сумароков, да и написал (по воле Пушкина) сами семейственные записки. В них, характеризуя Савельича, он, по случаю, выделяет курсивом цитату-определение: “и денег, и белья, и дел моих рачитель”, то есть вспоминает “Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке” Д.И. Фонвизина, что отмечено в подстрочном пояснении Као Суан Хао.